

Даже теперь, оглядываясь назад, Чжао-гэр не мог отделаться от всего пережитого легкой фразой «было не в тягость».

Он говорил спокойно, словно пересказывал чужую историю, не сгущая красок и не впадая в излишнее самосочувствие. Иные моменты он и вовсе упоминал вскользь, парой слов, но Фан Цзычэнь без труда дорисовывал в воображении остальное.

Шестнадцать лет. Совсем один, с тяжелым животом, когда любое движение — в тягость, он вынужден был гнуть спину в поле. Вечно голодный, вечно мерзнувший, в крохотной лачуге, продуваемой всеми ветрами, он сам, без единой живой души рядом, произвел на свет ребенка в лютый мороз.

В те годы супругу было всего шестнадцать. Пройти через муки и смертельную опасность родов в полном одиночестве — должно быть, он чувствовал себя бесконечно беспомощным и потерянным.

Фан Цзычэнь ощутил, как сердце сдавила невидимая тяжесть. Он прикрыл глаза, глубоко вздохнул и произнес хриплым, надтреснутым голосом:

— Чжао-гэр, я преклоняюсь перед тобой. Раньше меня не было рядом, и тебе пришлось хлебнуть горя через край. Но теперь я здесь, так что готовься: отныне будешь как сыр в масле кататься. Я буду к тебе добр.

Он сжал кулаки, и в его взгляде застыла непоколебимая решимость:

— Если кто посмеет тебя задеть — только скажи. Обидят, на сердце станет тяжело — не держи в себе, делись со мной. Я стану твоей защитой и буду беречь тебя всю жизнь.

Юноша не сыпал красивыми словами и не пускался в витиеватые клятвы. Будь у него нужда просто заговорить зубы, он выдал бы сотню приторных фраз не моргнув глазом. Но сейчас он говорил лишь о самом важном и насущном — о том, в чем Чжао-гэр нуждался больше всего.

Тот, кто до этого почти бесстрастно ведал о своем горьком прошлом, вдруг не выдержал. Слезы брызнули из глаз. Бросив нож, Чжао-гэр порывисто обхватил мужа за талию, вцепившись в него так отчаянно, словно хотел врасти в его плоть.

Раньше он всегда был один. В боли, в болезни, в редкие минуты радости, за скудной трапезой. Даже в канун Нового года, когда во всех домах царило веселье и семьи собирались вместе, он неизменно оставался один. Один, словно бродячий пес, он ютился в дровяном сарае; один ходил в горы за хворостом; один пахал землю и искал съедобные травы.

Хоть он и старался говорить о прошлом буднично, старые раны всё же дали о себе знать. Паутина воспоминаний опутала его и без того натянутые нервы.

— Почему?.. — едва слышно пролепетал Чжао-гэр.

«Почему ты ушел тогда? Почему не пришел раньше?»

Фан Цзычэнь уже не понимал, чего в его душе больше — жгучей жалости или чувства вины. Не стоило спрашивать, не стоило беречь старые шрамы. Копаться в чужой боли — всё равно что заново вскрывать рану, это было жестоко по отношению к Чжао-гэру. Сегодняшний срыв супруга стал для него суровым уроком.

Почувствовав, как намокает плечо, он ощутил болезненный укол в груди. Он принялся мерно похлопывать беднягу по спине, стараясь через тонкую дмотканую ткань передать ему тепло своих рук и поддержку.

Цзычэнь коснулся губами его макушки и с горечью прошептал:

— ...Всё позади. Всё уже прошло.

Гуай-цзай, неизвестно когда прибежавший к ним, задрал голову и с недоумением захлопал глазами:

— Папочка, ты чево?

Чжао-гэр поспешно отер слезы. Его глаза покраснели, как у кролика. Он уперся ладонями в грудь мужа, чувствуя размеренный стук его сердца:

— Ты должен держать свое слово.

Цзычэнь коснулся его щеки и крепко обнял:

— Конечно. Я ведь уже обещал. Тебе же не нужно, чтобы я клялся, что в меня ударит молния, если я солгу?

— ...Я верю тебе, — выдохнул Чжао-гэр.

Они совсем позабыли про малыша, увлеченные своим примирением, но Гуай-цзай настойчиво вклинился между ними. Фан Цзычэнь шутливо притиснул супруга к себе еще сильнее. Малыш оказался зажат между их ногами, как начинка в пирожке, и на мгновение совсем растерялся.

Чжао-гэр тихо рассмеялся. Юноша разжал объятия и чуть отстранился. Гуай-цзай тут же задрал голову и потянул к нему ручонки:

— Папа, Гуай-цзая тоже обними!

— Иди сюда.

Цзычэнь подхватил его на руки. Малыш звонко чмокнул его в щеку, а затем потянулся к Чжао-гэру:

— Папочка, не плачь. У Гуай-цзая «птичка» болела, и то Гуай-цзай плакать перестал. И ты не плачь.

— ... — Чжао-гэр тут же рассмеялся.

Фан Цзычэнь вспомнил, как его приемный отец, когда старший брат в очередной раз наводил суету, тяжело вздыхал: «Растить сына — не то что дочку. Дочка послушная, она как теплая стеганая курточка».

Сейчас он готов был поспорить с этим утверждением. Кто сказал, что только дочери приносят утешение? Его сынишка один стоил девяти теплых курточек.

Наступило лето, и дожди пошли один за другим.

Ограда вокруг их дома давно пришла в упадок, и Чжао-гэр, не желая больше ждать, притащил с задней горы охапку бамбука, решив подновить забор.

Едва рассвело, он приготовил завтрак для мужа и принялся во дворе за работу, вооружившись тесаком. Фан Цзычэнь подошел ближе, с любопытством поглядывая на его труды:

— Ты что это задумал?

Еще вчера, вернувшись со смены, он заметил во дворе груды бамбука, но тогда было не до расспросов.

— Расколю стебли и почию изгородь, — коротко бросил Чжао-гэр.

— Да какой в этом толк? — хмыкнул Цзычэнь.

Бамбуковые щепы выходили толщиной в палец — такая ограда разве что курицу или старую собаку удержит. Но в их деревне люди жили так бедно, что птицу на вольный выпас никто не выпускал — самим есть нечего, не то что псов кормить.

— Брось ты это пустое дело, — продолжал Фан Цзычэнь. — Вот подзаработаем денег, найдем людей и обнесем двор крепкой кирпичной стеной. Вот это я понимаю — забор.

Чжао-гэр смерил его нечитаемым взглядом:

— Этого придется ждать лет семь-восемь. К тому времени нынешняя ограда окончательно сгниет.

Это на что он намекает?

«Кого это он тут ни во что не ставит?»

Фан Цзычэнь, задетый за живое, возмущенно уставился на супруга:

— Тебе стоит больше верить в своего мужчину. Двор у нас — всего ничего, на хороший кирпич и денег-то много не надо. С чего вдруг ждать восемь лет?

Он выпрямился, картинно подбоченившись:

— Я, Фан Цзычэнь — настоящий мужчина, способный подпереть небо плечами. Неужели я не смогу забор справить? Да меня же курам на смех поднимут!

Чжао-гэр видел, что самоуверенности его мужу не занимать, но всё же не удержался от шпильки:

— Сейчас ты горазд бахвалиться, а как до дела дойдет да ничего не выйдет — вот тогда над тобой точно вся округа смеяться будет.

— ... — Фан Цзычэню нечего было на это возразить.

— Садись завтракать, — смягчился Чжао-гэр. — Слушай, во время того ливня у тётушки Лю крышу сильно попортило. Сегодня они собираются ее чинить, дел там невпроворот. Можно я схожу помочь?

Когда он рожал Гуай-цзая, тётушка Лю оказала ему бесценную помощь. В доме семьи Ма Старшая госпожа Ма только и делала, что честила малыша «выродком» да подзатыльники раздавала, а кормить ребенка и вовсе отказывалась. То, что Гуай-цзай дожил до трех лет, было

заслугой лишь самого Чжао-гэра, делившегося с ним каждой крохой, и тётушки Лю, которая втайне подкармливала их.

— Конечно, сходи, — кивнул Фан Цзычэнь. — Знаешь что... Может, мне сегодня на работу не идти? Помогу вам.

— Нет, — покачал головой Чжао-гэр. — Соломой крыть — дело привычное, справимся. Да и не смыслишь ты в этом ничего.

— ... — Цзычэнь снова почувствовал себя недооцененным.

Впрочем, в кровельных работах он действительно понимал не больше, чем свинья в апельсинах. Так что юноша послушно отправился на смену.

С утра в трактире было затишье, но к обеду гости повалили валом. Фан Цзычэнь завертелся как юла: считал он молниеносно, да и внешнестью бог не обидел, так что посетители охотно выстраивались к нему в очередь. Костяшки на счетах так и щелкали — некогда было даже пукнуть.

Лишь к середине дня выдалась свободная минута. Пообедав на кухне и видя, что особой суеты нет, он достал книгу. Но стоило ему углубиться в чтение, как он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Подняв голову, Фан Цзычэнь увидел у входа Чжао-гэра.

Сердце неприятно екнуло. Нахмурившись, он бросил пару слов управляющему Яну и быстро вышел навстречу супругу.

— Чжао-гэр, почему ты пришел в город? — встревоженно спросил он. — Случилось что? Дома беда?

<http://bllate.org/book/15357/1427962>